

Лана Каминская

Обнимаемая ветер. Книга 2

«Литнет»

2022

Каминская Л.

Обнимая ветер. Книга 2 / Л. Каминская — «Литнет», 2022

Юная баронесса Эмма фон Стерлс с ужасом ждёт бала, назначенного в её честь. Традиции требуют, чтобы на этом балу она объявила имя своего суженого. И всё бы хорошо, ведь Эмма давно влюблена и эти чувства взаимны, однако заносчивые родители и слышать не хотят о том, кому отдано её сердце. Остаётся только бежать! Бежать в объятия любви... и солёного ветра. Успешный моряк и блюститель закона командор Александр Хиггинс казнит шайку пиратов, разбойничавшую на просторах Нефритового моря. Но вот незадача: пиратов поймали, а пиратское золото так и не нашли. Может, не стоит его искать? Вдруг ненароком разбудишь зверя? *История в двух частях
**Завершено Первая часть тут:

Содержание

Глава 1. Под звон разбитого фарфора	5
Интерлюдия первая	13
Глава 2. Новые неприятности	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Глава 1. Под звон разбитого фарфора

«Если я слышу голос Гранта, то значит ли это, что я уже на небесах? – внезапно задалась вопросом Эмма и тут же сама себе ответила: – Конечно, значит. Где ещё мне быть? Но если с моей участью всё понятно, то что Грант делает в месте, куда живым нет хода? Неужели, и с ним приключилась беда? Что ж, если нам не суждено быть рядом на земле, то хоть на том свете...»

Додумать Эмме не позволили чьи-то горячие прикосновения.

Чертенята взялись за бедняжку и толкают на сковородку?

Эмма была возмущена такой наглостью! Она не собиралась терпеть испытания огнём, пока не увидится с любимым! Поэтому, вместо покорного повиновения, принялась ворочаться и ёрзать, пусть и еле-еле. Заодно, преодолевая страх и слабость, широко распахнула глаза.

Как оказалось, получилось не очень широко, потому что в следующую секунду пришлось распахнуть ещё шире: никакого костра рядом не полыхало, а невероятный жар шёл от горячей воды, а ещё от того, кто заменял чертенят и нависал над Эммой. От того самого пирата! Капитана брига «Морская», откуда Эмма ещё утром с радостью уносила ноги.

Телом капитан был голый, если не считать мокрых подштанников, чудесным образом просвечивающих в самых неподобающих местах, и весь мокрый. С его чёрных волос, в этот раз не спрятанных под засаленной тряпицей, на шею и грудь Эммы падали до сих пор тёплые капли, а выбитый на руке осьминог водил щупальцами туда-сюда, по мере того как двигалась и сама рука, и в какой-то момент даже подмигнул баронессе фиолетово-чёрным глазом.

Эмма дёрнулась и резко села. И тут же чуть не захлебнулась водой, которой в ней было ещё на целое озеро. Принялась кашлять и вновь ощутила на себе сильные и горячие руки, что одним движением и словно мешок с картошкой перевернули девушку лицом к полу, позволив тем самым освободить организм от всего, что мешало дышать.

– Оставьте меня, – с трудом выдавила Эмма и тут же почувствовала, как тепло покидает её, оставляя наедине с холодным камнем и лужицами вокруг.

В это время совсем рядом прогремело негодующее:

– Ты оглох, что ли? Ну, сейчас я тебе задам!

Эмма повернула голову на голос.

В той стороне, тоже в одних просвечивающих подштанниках и почему-то в куртке на голое тело, стоял её любимый Грант, в стельку пьяный, с мешками под глазами и давно небритый. Прыгнув в купель и разгоняя руками воду и исходящий от неё пар, юноша двинулся в сторону Эммы и пирата.

– Грант... – только и смогла выдохнуть счастливая и в то же время жутко измотанная девушка и приготовилась раствориться в объятиях любимого, путь к которому был столь тернист и встреча с которым была столь неожиданна, но не тут-то было.

Мало пересечь купель – надо из неё ещё выкарабкаться.

Подтянувшись на руках, Грант не удержался и рухнул обратно в воду. Ушёл почти с головой и, вынырнув, первым делом принялся отплёвываться и прочищать нос.

Подтянувшись второй раз, вытерпел всего три секунды. Для финального рывка не хватило то ли выдержки, то ли опыта, и Грант принялся медленно и непрезентабельно сползать вниз. От второго захода под воду юного Хиггинса спас Беар: схватив Гранта за руку, потянул на себя и вытащил из купели. И тут же за свою доброту отхватил кулаком в челюсть.

– Мерзавец! – потирая костяшки пальцев, выговорил Грант. – Как ты смеешь лапать мою невесту?! Подлец!

Расстановка сил изменилась в ту же секунду: Беар сграбастал хлипкого паренька за отворот куртки с такой силой, что тому тут же сдавило шею и стало невозможно дышать.

– Ты что за идиот такой? – прошипел капитан «Морской», почёсывая свободной рукой оцарапанную скулу.

Настало время Эммы вмешиваться.

– Отпустите, – тяжело дыша, вымолвила девушка. – Прошу, отпустите его. Он просто всё неверно понял. Он не знал, что вы... вы... меня спасали. Это... это же мой жених!

Бear вперился к лицу Гранта презрительным взглядом и зло прищурился.

– Неожиданно, – помычал он, наблюдая, как пленённый Хиггинс дёргается в конвульсиях и хрипит, безуспешно стараясь что-то возразить. – Какая душещипательная встреча двух влюблённых... А я, дурак, спас обоих. Надо было хоть этому дать утонуть, что ли.

– Спасибо, – пытаюсь выровнять дыхание, поблагодарила Эмма. – А теперь отпустите его. Он уже весь синий!

Бear склонил голову вбок.

– Где синий? Розовый ещё, как молочный поросёнок.

– Он же задыхается!

– Да? А по-моему, его всё устраивает.

– Да опустите же его, жестокий вы человек!

Рука Беара дрогнула – хватка ослабла.

– Что в Вольном заливе делает такая мелюзга, как ты? – прорычал он в лицо Гранту.

Грант поспешил плотнуть воздуха.

– Я не собираюсь отвечать на твои вопросы.

И в очередной раз затрепыхался, так как Бear снова сжал пальцы.

– Немедленно прекратите! – Эмма сумела встать на ноги и подковылять к пирату, который своим обращением с её женихом был ничуть не хуже самого настоящего чёрта! – Он вам ничего не сделал!

– А как же те слова, которые он бросал в мой адрес? Какой-то невоспитанный у тебя жених. Зачем он тебе такой? Тем более и разит от него... От забулдыги Лесли воняет меньше!

И Бear снова склонил голову вбок, и принялся с любопытством рассматривать свою уже почти бездыханную жертву. Судьба юного Хиггинса была почти предрешена, и спасти юношу могло только чудо. И такое чудо произошло.

Неподалёку громко хлопнули деревянными дверями. Послышался безобразный топот, от которого Эмму мигом передернуло. Она узнала этот шум, эти вопли, эти голоса, и теперь не только на голове Гранта от ужаса шевелились волосы, но и на её тоже.

– Вот она! Я же говорил, далеко не удерёт! Хватай девку!

Дикий вопль прорезал умиротворяющую тишину купальни. Одна из дверей слетела с петель, пропуская в полную вязкого пара комнату толпу озверевших мужиков с дубинками и цепями в руках.

От удивления Бear разомкнул пальцы. Грант шлепнулся на камни, к его ногам, и радостно задышал.

– Это что ещё за сходка? – присвистнул капитан «Морской», краем глаза уловив, как Эмма юркнула ему за спину. – Что сегодня за день такой? Отдохнуть нормально не дают...

Толпа замешкалась и застыла на месте. Отпетые разбойники, манерами, взглядом и чертами лица далёкие от аристократии и даже убогой местной знати, переминались с ноги на ногу. Никто не решался сделать первый шаг и рыпнуться вперёд на почти голого противника. Однако в любой подобной ситуации рано или поздно обязательно найдётся человек, который заскочит последним и, по незнанию и не до конца разобравшись в происходящем, ляпнет что-нибудь невпопад. Тем самым распалит огонь и даст пламени разгуляться. Нашёлся и в этот раз такой.

– Чего застыли? – окрикнули бандитов грубо. – Здесь вам не храм, проповедей не читают. Можно не церемониться.

– Предлагаешь им мной заняться? – ухмыльнулся Бear в адрес говорившего.

Мужики с дубинками и цепями зароптали и расступились. За их спинами маячил Карл. Он был удивлён встрече, но быстро заменил изумление на лице на радость и протянул:

– А, кэп! Как удачно мы на тебя попали! Гостя наша с тобой? А то мы с ней разминулись. А время, сам понимаешь, не ждёт. Тикают часики.

– Не слушайте его, – пискнула из-за спины Беара Эмма, а лежавший рядом Грант что-то бессвязно промычал. – Не терялись мы с ним. Это я сбежала от него, а он теперь преследует.

– Что между вами произошло? – тихо сцедил в сторону баронессы капитан пиратов.

– Если бы я знала, – всхлипнула Эмма. – Карл обещал помочь добраться до Белой бухты. Всё было хорошо, но вдруг... мне почему-то стало страшно, – добавила девушка, вспомнив о панике, которую навёл Корр.

Не зря, наверно, навёл, раз целая ватага озверевших здоровяков шла по следу баронессы. Но – Эмма покосилась вправо и влево – куда теперь запропастился этот клыкастый червяк? Упал в воду вместе с ней, но на сушу не выкарабкался?

– Страшно? – повторил Беар и как-то странно нахмурился.

Карл заметил, как сдвинулись брови капитана, и тоже мигом помрачнел.

– Так ты девчонку потерял? – снова хмыкнул Беар боцману.

Вопрос вернул Карла к жизни.

– Ага! – подхватил он. – Договорился насчёт одной посуды, собирались идти до шлюпок, а она чего-то разволновалась... Одно слово – баронесса. Тонкая натура, что с неё взять?!

Толпа вокруг Карла согласно загудела.

Беар слегка повернул голову к Эмме – так, чтобы и её видеть, и банду головорезов из виду не упускать.

– Ты же так хотела в Белую бухту... Тебе и корыто, оказывается, целое нашли. Чего взбрыкнула?

Объяснить было сложно. Хотя бы потому, что истинной причины своего побега Эмма до сих пор не понимала. Корр не успел ей рассказать да и сейчас упорно молчал и даже из виду скрылся. Вот почему так? Когда надо – тишина в голове, а когда нет – так и слышно бесперебойное верещание, сбивающее с толку.

Сетуя на змея и одновременно понимая, что именно в эту самую минуту решается её судьба, Эмма не знала, что сказать. Но молчать и ничего не делать было ещё тяжелее. Поэтому, и чтобы хоть каким-то способом выразить свою позицию, Эмма не придумала ничего лучше как вцепиться изо всей силы и обеими руками за отворот подштанников Беара и затараторить:

– Не отдавайте меня ему. Даже если захотите отдать – не оторвёте! Если только вместе с бельём.

– Полегче, – только и ответил Беар, даже не повернув головы, – не то всё по швам сейчас пойдёт.

– Сделаю всё, что скажете. Только не отдавайте меня. Тем более мне и тут хорошо. Мой жених теперь здесь. Рядом. Со мной.

И девушка покосилась в сторону вырубленного Гранта. Впервые ей было неловко за любимого человека.

– Так что с девчонкой? – выкрикнул Карл. – Корабль, что я нанял, ждёт.

– Раз ждёт, то не теряй времени и иди на пристань, – ответил Беар. – Отмени уговор.

Карл набычился.

– погоди-ка, кэп. Мы так не договаривались... Да и какой «отмени»? Сам знаешь, сколько за такое да за простой с меня сдерут! По местным-то расценкам!

– А если сдерут за простой, то чего стоишь и языком чешешь? Кто будет виноват, что попадёшь на деньги?

– Какого... – Карл смачно выругался. – Ты вообще за свои слова отвечаешь?

Всё ещё держась за единственную ткань, что укрывала тело Беара, Эмма вдруг почувствовала, как тот напрягся. Весь стал словно пружина, готовая вот-вот сорваться с места и запустить сложный механизм. Что-то явно шло не так, и странный разговор капитана и боцмана, в котором Эмма мало что понимала, был тому лишним доказательством.

– Поговорим позже, – ответил Беар. – Девчонка пока останется со мной. Мне нужно кое в чём разобраться.

– Позже? – взвинтился Карл и покраснел, как помидор, впитавший в себя весь летний зной. – Э, нет, кэп. На такое я не соглашался. Наш уговор был яснее некуда: ты мне – девчонку и долю Фрэнка, я тебе – капитанскую шляпу. Ведь так? Объясни-ка мне теперь, капитан...

– А разве уговор был таким? – оборвал Беар Карла на полуслове. – И это ты объясни мне, почему для того чтобы переправить девчонку в безопасное место, тебе вдруг понадобилась помощь Баньолю? Или я ошибаюсь, и это не его люди сейчас стоят вокруг тебя и облизываются на эту наивную рыжую дурёху?

Эмма не верила своим ушам.

– Дурёху? – шипела она за широкой спиной. – И вы, что же, меня ему продали? Отдали в обмен на голос? Но когда успели? Голосовали же все открыто на палубе, и я лично слышала, как...

– Помолчи, – обрубил Беар.

– Не буду я молчать. – Эмма отшатнулась от капитана «Морской». – Я не знаю, что со мной хотели сделать эти люди, – девушка ткнула пальцем в толпу, – но я точно знаю, что я не вещь и не разменная монета! И если из того, что говорит Карл, хоть капля – правда, то вы... вы... вы просто негодяй, по которому плачет виселица!

– Стоять! – гаркнул Беар, схватил собравшуюся уже было уходить девушку за запястье и притянул к себе. Обхватил за талию – не вырваться, хоть кусайся, хоть царапайся.

За всеобщим выяснением отношений никто и не заметил, как до сих пор лежавший без сознания и вдалеке от всех событий Грант вдруг пришёл в себя и открыл глаза. Пощупав голову, шею и грудь руками и убедившись, что кошель и всё остальное до сих пор на месте, посмотрел вверх и ужаснулся: его любимая, та самая, что была прекрасней всех на свете, нежнейший весенний цветок, которого он боялся даже коснуться, стояла в обнимку с почти голым мужиком, половина тела которого была изуродована отвратительнейшим фиолетово-чёрным осьминогом, вульгарно к нему прижималась, а тот, в свою очередь, неприлично сжимал её невинное тело и даже кончиками пальцев спускался на бёдра, что б его!

Вся выпивка, проглоченная ранее в компании Лесли и его товарищей, ударила в голову с двойной силой. Грант напрягся, словно заряженная пушка, готовая вот-вот выплюнуть смертельное ядро, и, вскочив на ноги, бросился к Беару, оттолкнул от него Эмму, запрыгнул на его до сих пор влажную спину и крепко обхватил за шею – не скинуть.

Рывок.

Беар попробовал отделаться от юного Хиггинса, однако ни первая, ни вторая попытка не увенчалась успехом. Тот присосался пиявкой так крепко, что даже у Эммы, испытавшей невероятный шок от того, каким предстал перед ней её обожаемый жених, не получилось отодрать того от капитана «Морской». Выход был только один, и Беар не преминул им воспользоваться.

Несколько раз широко шагнув, он со всего размаху рухнул в купель и, почувствовав, как резко ослабли тиски захватчика, нахлебавшегося воды, сделал пару мощных гребков руками и вынырнул на поверхность. Тряхнул головой, избавляясь от влаги на волосах, и только в тот момент услышал остервенелое:

– Берём девчонку!

И следом истошный визг прорезал горячий и полный влаги воздух.

Громилы Оливера Баньолю тараканьей стаей ринулись к юной баронессе. Кто-то успел схватить девушку за плечо, кто-то бесцеремонно цапнул за волосы. Подтянувшись на руках,

Беар уже почти выбрался из купели, но вовремя подскочивший детина чуть не огрел его дубинкой по голове. Пришлось снова уйти под воду и тем самым сохранить себе жизнь и ясное сознание. Сила однозначно была на стороне тех, кого числом было больше, но в этот момент вдруг снова распахнулись двери, теперь уже с другой стороны комнаты, и в каждом уголке высоких каменных стен отозвалось эхом негодующее:

– Кэпа бьют!

– И нашу баронессу тоже!

Переполощенные и с громким криком в купальню из общей залы ворвались моряки с «Морской». Голые, взъерошенные, взбудораженные и не до конца протрезвевшие, они не стали разбираться, кто прав, кто виноват, а просто гурьбой наскочили на людей Баньоло. Завязалась драка.

Тумаки сыпались на всех и со всех сторон. Кто-то атаковал и оборонялся при помощи дубинок, кто-то – кулаков. Куча мала образовалась такая, что в какой-то момент различить, где свой, а где чужой, можно было лишь по наличию штанов.

Воспользовавшись ситуацией, Эмма опустилась на четвереньки и поползла подальше от шумной неразберихи, время от времени останавливаясь и сжимаясь от страха, столь неистовы были крики и непонятны хлопки. Нужно было добраться до любимого Гранта да затем вместе бежать, но ровно в ту самую секунду, как в голове Эммы созрел план, кто-то огрел юного Хиггинса, только что выкарабкавшегося из воды, по уху, и тот опять упал на мокрые камни, и потерял сознание. Обидчик тут же скрылся из виду, а Эмма, тряхнув спутанными волосами и твёрдо решив рано или поздно отомстить всем и каждому, кто мешает её счастью, продолжила ползти вперёд, пока на её пути внезапно не выросло препятствие.

Последнее представляло собой пару крепких ног, обутых в кожаные сапоги с высоким голенищем. От вымаранных в земле подошв несло чем-то неприятным, и в любой другой раз Эмма обязательно бы скривила нос, однако дни, проведённые на корабле, на тесной палубе, на жаре да ещё и в обществе пиратов, свежесть собственных тел которым только снилась, приучили Эмму и не к такому. Поэтому она просто задержала дыхание и подняла голову.

Над девушкой высился незнакомый мужчина. Несмотря на перепачканные сапоги, одет он был прилично. Ни на одного из тех бандитов, что гнались за Эммой по улочкам портового городка, похож не был и мог вполне произвести приятное впечатление, если бы не шрам на лице. Уродливый, огромный, он портил всю картину и превращал вроде как симпатичного мужчину в самого настоящего злодея.

Не успела Эмма отвести взгляд, как над ней нависла чья-то тень. И принадлежала она не человеку со шрамом, а тому, кто внезапно оказался у Эммы за спиной и чей голос Эмме был знаком и не особо приятен:

– Отойди от неё, Оливер. Не для твоих сетей рыба.

Мужчина со шрамом сплюнул на пол и сдвинулся:

– Ты бы хоть оделся вначале... – и брезгливо добавил: – капитан.

– Зачем? Если придётся дать тебе в харю ещё раз, так без одежды это лучше будет делать.

Не порвётся, когда со всей силы бить буду.

Тот, кого называли Оливером, коснулся шрама на своём лице.

– Думаешь, в этот раз будет по-твоему?

– А ты не усёк, что всегда выходит по-моему?

– Ты стал слишком заносчив... капитан. А ведь я знал тебя ещё мальчишкой, когда ты без штанов вокруг моей лавки бегал.

– Я и сейчас без них, но морду тебе набить мне это не помешает.

– Всё такой же принципиальный, значит... Такой же упрямый. А ведь промышляешь далеко не чистыми делами. Откуда же такая твёрдость?

– Я могу пустить ко дну торговый корабль, могу пушками своего брига разнести в щепки адмиральский фрегат, могу нагнать золота, купить на него этот чёртов остров со всеми его потрохами и поджечь его, но я никогда не замараю свои руки торговлей женщинами.

– Конечно, – буркнула себе под нос Эмма, – зато за борт их швырнёте с превеликим удовольствием.

К счастью, девушку никто не услышал.

Оливер нырнул рукой в карман жилета и вытащил из него серебряную табакерку. Щёлкнул замочком, вдохнул терпкой табачной пыли, повернулся вправо и громко чихнул. Шмыгнув носом и неодобрительно покачал головой, глядя, как Лгунишка Пью наскочил на одного из бандитов и теперь скакал на нём, погоняя ранее отобранном хлыстом. Совсем рядом с Пью мистер Драббл развлекался щелбанами по головам ещё двух детей, руки которых были скручены за спиной Крохой Тином и ловкачом Лесли. В противоположном углу картина была более радужная для глаз Баньоло: там уже его здоровяки лупили ни в чём не повинных пиратов.

– Дети малые, – проворчал Оливер и вновь вперился полным ненависти взглядом в своего противника. На Эмму, продолжавшую стоять на четвереньках между двумя соперниками, никто так и не обратил внимания.

– Ты, Беар, ещё молодой и глупый, – неспешно начал Оливер. – Что торговать краденым кофе, что дурами-бабами, – всё одно и то же. Всё это товар, который хорошо бы сбыть, пока он ещё не потерял свежести. Будешь думать так – станешь таким же богатым и влиятельным, как я. Будешь думать иначе – сдохнешь раньше, чем завтра покажется солнце из-за горизонта. Так что будь паинькой и не упрямься. Отойди и отдай мне девку, пока я ещё прошу по-хорошему.

Беар нагнулся и схватил Эмму за одежду, как лвица хватается за шкурку львёнка, чтобы перенести его в безопасное место. Баньоло же понял этот жест по-своему.

– Вот и молодец! Поднимай её, и мы уходим. Извини, что испортили тебе тут всё. Перед Фло я тоже извинюсь и оплачу твои счета.

Однако глаза Оливера округлились, когда он понял, что «львёнка с рыжей гривой» ему передавать не собираются, а наоборот задвинули чуть ли не себе за спину, и теперь, чтобы заполучить детёныша, надо вначале сразиться с тем, кто его защищает.

Оливер протяжно выдохнул и укоризненно покачал головой:

– Учишь вас, учишь, а у вас одно на уме: бабы.

– Я сказал тебе, что у меня на уме. Если у тебя туго со слухом, то это не мои заботы.

– Вот как ты заговорил, – сцедил Баньоло. – Что ж, ты сам напросился. Питт, Бульдог и Краб, – окрикнул Оливер троих здоровяков, которые только что хорошенько отпинали долговязого марсового с «Морской» и теперь подбирались к ошалевшему Лгунишке Пью, и раздумывали, как бы отобрать у того хлыст. – Займитесь этим недотепой. Только шею не ломайте. Руки-ноги можно.

И ушлый деляга сделал несколько шагов назад, освобождая место для драки.

Тот, кого звали Крабом, хрустнул шеей. Питт поплевал на ладони и растёр их. Бульдог просто отделался ухмылкой и набычился.

Беар сделал шаг назад. Ногой нащупал шаткий камень. То ли от вечной сырости, то ли просто со временем кладка местами поизносилась, кое-где пошла трещинами, а кое-где просто расплзлась.

Беар снова нагнулся. А когда распрямился, то в его руке оказался среднего размера булыжник. Такой, каких много встретишь у моря, на берегу, и из которых мальчишки так любят строить крепости.

Бульдог и Краб переглянулись и скользнули руками к ножам на своих поясах. Мгновение – острые лезвия заблестели; на кончике одного виднелась засохшая кровь.

– Они вспорют тебе брюхо раньше, чем ты сообразишь, куда этим камнем приложиться, – съязвил Баньоло и скрестил руки на груди.

– А я особо соображать не собираюсь, – ответил Беар, сделал ещё два шага назад, резко повернулся на полкорпуса и швырнул камень далеко-далеко.

Пролетев через купель и через разбросанные по полу подушки, тот брякнулся прямо на стол, в самое сердце расставленных чашек и блюдец, разнося всё на мелкие кусочки и особенно дорогой фарфор, на котором хозяйка заведения всегда подавала кушанья особо ценным гостям.

– И это всё? – ухмыльнулся Баньоло.

Прятавшаяся за спиной Беара Эмма сжалась и чуть ли не сквозь слёзы добавила:

– Надо было хоть одному из них по голове дать.

А после этого крепко сжала кулачки и приготовилась царапаться и отбиваться, в то время как тугие на ум головорезы двинулись на безоружного капитана «Морской».

Но, как ни странно, выходка Беара сработала.

Находившиеся прямо за ширмой двери распахнулись, сама ширма отлетела в сторону, и перед толпой колошматящих друг друга бандитов и моряков предстала сама госпожа Флоренс, с лицом, красным от гнева, и взглядом, посылающим сплошные молнии.

– А ну, живо прекратите балаган! – крикнула хозяйка так громко, что у Эммы даже заложило уши.

Все в тот же миг замерли на месте, и даже трое громил, которым Баньоло подал знак, остановились. Правда, Лесли не удержался и всё-таки треснул кулаком по лбу какому-то квадратного телосложения бугаю.

Оливер развернулся к хозяйке терм.

– Это всего лишь потасовка, Фло, – улыбнулся он и широко развёл руками.

– Всего лишь потасовка? – взвинтилась женщина и уверенно зашагала вперёд, злобно зыряка по сторонам. Те, кто удостоился её сердитого взгляда, вжали головы в плечи.

– Да такие у тебя каждую неделю, – добавил Баньоло. – С чего вдруг ты так ошетинилась?

– Ты у меня ещё поговори... – шипела Флоренс. – Я всегда закрывала глаза на то, что вы, дураки, друг друга колошматите, но при условии, что вы при этом не разносите моё заведение и тем более мой фарфор!

Выкрикнув эти слова, госпожа-купальщица вытянула руку и ткнула пальцем в разнесенные камнем блюдца и чашки.

– Кто это сотворил?

Беар ступил в сторону, предъявляя разъяренной женщине Эмму.

– Она, – невозмутимо подставил он ошалевшую от такого наглого заявления юную баронессу.

Флоренс развернулась к своим помощницам.

– Кто такая?

– Она подменяет сегодня Джену, – испуганно пискнули откуда-то из третьего ряда. – Это её сестра.

– Чтобы и она, и её сестра, вместе, возместили мне всё, что сегодня здесь испорчено! Пусть работают и днём, и ночью. И не выйдут отсюда, пока всё мне не вернут. Всё, до последней монетки.

– Эй, Флоренс, – вмешался вдруг Баньоло. Он выглядел растерянно и озадаченно. – Это не сестра Джены. Или..?

Оливер вопросительно взглянул на Карла и заранее набычился: обмана от поставщика он бы не стерпел.

– Точно не сестра! – выкрикнул боцман, а Беар на этих словах презрительно сплюнул на пол.

– Сестра или нет – мне всё равно, – гневалась хозяйка. – Если кто поможет ей удрать отсюда и не заплатить, будет иметь дело со мной.

– Слушай, Фло, – Баньоло выступил вперёд. – Я заплачу за весь этот кавардак. Эта девчонка – одна из моих служанок. Тоже у меня напакостила, вот и сбежала, испугалась моего гнева.

– Я не... – начала было Эмма, но Беар в это время больно ущипнул её за руку.

– Не вмешивайся, – шепнул он.

– Ты знаешь, как я веду дела, Оливер, – железным тоном произнесла хозяйка. – Не прощать и не позволять другим помогать. Публичное наказание будет хорошим уроком не только этой пигалице, но и всем моим работницам. А если каждый покровитель начнёт за провинившихся платить, то тарелки так и продолжат разлетаться на мелкие кусочки, а бельё – пропадать с верёвок. Так что придёшь за ней, когда отработает. И ни секундой раньше. Подойди-ка.

Флоренс поманила к себе Эмму. Та робко двинулась в сторону женщины, что наводила страх даже на самых отпетых головорезов.

– Прибери, – бросила Эмме Фло и обратила свой взор снова на Беара, Оливера и их людей. – Попрошу всех тех, кто сегодня не является моим клиентом, удалиться. Остальных же попрошу вернуться в те купальные залы, которые они оплатили, а не торчать в месте стоимостью один золотой в час.

Если первое предназначалось людям Баньоло, то последнее – команде «Морской». Делать было нечего: ворча и изредка оделяя друг друга щелбанами, мужики принялись разбредаться кто куда. Когда купальня опустела, и в каменных стенах остались лишь самые главные участники заварушки, Оливер, хитро прищутив глаза и уже собираясь на выход, вдруг развернулся к Беару и в лоб спросил:

– Не передумал? Ещё не поздно.

– Нет, – услышал он в ответ краткое и холодное.

– Я ведь по-хорошему пытаюсь договориться.

– А я по-хорошему прошу тебя убратся и дать мне закончить отдыхать.

– И чего это ты такой принципиальный...

– На то у меня своя веская причина.

Оливер вздохнул.

– Дурак ты. И скоро ты в этом убедишься.

– Жду не дождусь, – резко бросил Беар и указал взглядом на выход.

А когда Баньоло присоединился к ждавшим его на улице вышибалам, обернулся и тоскливым взглядом посмотрел на сидевшую тихой мышкой среди разбитых тарелок Эмму, а затем на Гранта, не приходившего в себя и всего мокрого после многократного купания. Во взгляде Беара читалось сомнение, но догадаться, какими вопросами задавался в эту минуту капитан «Морской» было под силу только тем, кто его очень хорошо знал. И одной из тех немногих людей была госпожа Флоренс, и теперь от неё зависела дальнейшая судьба юной баронессы.

Интерлюдия первая

несколько дней назад

бриг «Морская»

~~~

– Поздравляю. – Беар услышал смешок над ухом, а плечо в ту же секунду ощутило на себе тяжёлую руку. – Ты будешь первым капитаном, у которого в юнгах баба.

От этих слов и оглушительного хохота вокруг провалиться бы со стыда сквозь палубу, но вначале очень сильно хотелось отыграться на той, кто был всему виной.

– Ночная вахта... – было брошено в сторону Эммы.

Пусть постоит, помокнет под дождём, подорожит на холоде, пока все будут наслаждаться согревающим кровь грогом. Может, хоть так научиться не лезть не в своё дело.

Выслушивать проклятия в своей адрес Беар не стал. Повернулся к Карлу и кивнул в сторону низких дверей, рядом с которыми висел фонарь:

– Пошли. Поговорить надо.

А перед тем как скрыться там, где было тепло, успокаивающе поскрипывали доски и в старом, латунном подсвечнике горели свечи, щёлкнул пальцами, тем самым давая знак Ригану. Тот понял приказ и принёс с камбуза выпивку и еду. Злость и раздражение надо было чем-то залить и заесть...

...В капитанской каюте было тихо. Личных вещей Фрэнка в ней было мало, так что обжиться новому капитану не составило бы труда. Всего делов – затолкать в сундук кое-какие мелочи, которые у Беара имелись с детства, да карты переложить по-своему. К последним Беар всегда относился с трепетом, в то время как Фрэнку было откровенно плевать. Полностью положившись на старпома, чьи познания в навигации были на недостижимой высоте, бывший капитан «Морской» сосредоточился на других задачах, которые заключались не в том, чтобы проложить курс для корабля, а в том, чтобы набить пузо и закрома. Страсть к наживе всегда была сильна, а находить источники обогащения Фрэнку всегда удавалось хорошо. Теперь же, после его смерти, все взоры были обращены на нового главаря, от которого моряки, от юнги до боцмана, ждали если не большего, то хотя бы того же самого.

Карл зевнул, притронулся к грогу. Тот был такой горячий, что кружку тяжело было держать в руках.

Сделав глоток, боцман разрядил тишину:

– Удивлён?

Беар стянул мокрую рубашку, протёр ей влажное лицо и шею, швырнул в угол. Прошёл к сундуку, приподнял тяжёлую крышку и вытащил чистую одежду. Кому она принадлежала – Фрэнку ли или убитому бывшим капитаном офицеру, – никто не знал. Тем не менее Беару она пришлась впору и вполне могла пригодиться ещё кому-нибудь позже.

– Удивлён, – буркнул новоиспечённый капитан и просунул руки в рукава. – Потому и позвал тебя. Хочу сразу выяснить, пока голова трезвая, с чего такая щедрость.

Карл снова глотнул обжигающего пойла.

– У меня самого глаза на лоб полезли. Не знал, что столько парней за меня...

– Это всё из-за девки, – выдохнул Беар. – Они все голодные. Вылупились на неё, вот и раскисли.

– Ты сейчас меня по палубе просто размазал...

– Прости.

– Хотя, думаю, ты прав. Девчонка прехорошенькая да и заработать нам предлагала. А какой джентльмен удачи не откажется заработать?

– Только тот, кто умеет просчитывать риск.

– Ты давай попроще.

– Мы сильно гружёные, Карл. Только самоубийца ради горстки монет и с грузом таким, как у нас, двинется куда-то дальше Вольного залива. Алчность до добра ещё никого не доводила. Поверь мне. Я знаю.

– Но за баронессу могут дать не горстку.

– Да хоть мешок! Плевать! Если попадёмся кому-то на глаза, нас не только ограбят, но ещё и продырявят. Это как у рыбака забрать сети. Как дальше кормиться? А новый корабль достать, знаешь ли, это не верёвки между собой переплести.

– Вот поэтому я и дал тебе шанс, – снисходительно ответил Карл и хмыкнул. – Знал, что ты охладил пыл этих жадных до денег хапуг.

– Значит, мы поняли друг друга.

– И значит, ты будешь поласковее к девчонке. Ты же шутил, когда грозился кинуть её за борт?

Беар выругался.

– Фрэнки, чтоб его...

Однако срыва на словах оказалось мало. Беар схватил обеими руками кружку с грогом и не успокоился, пока не выпил всё до последней капли. А когда на дне кружки ничего не осталось, то вытер губы рукавом, посмотрел на Карла и выдавил:

– От баб одни беды.

– Это если их подпускать к себе слишком близко. А если нет, то – сплошная выгода!

И Карл пошевелил пальцами, изображая шелест денег.

Беар чертыхнулся.

– Я думал, рассказы Фло о твоих делишках в заливе – лишь слухи...

Глаза Карла как-то странно забегали. Он словно чувствовал во фразе капитана некий подвох, но не был уверен, послышалась ему или всё же нет.

– Какие ещё рассказы? – набылчился боцман, а про себя решил, что поспешить с деталями всегда успеет. Только покойный Золотозуб знал, что у Беара на уме, – остальные лишь догадывались и подчинялись приказам.

Беар грохнул пустой кружкой о стол: то ли случайно, то ли специально.

– Ещё я знаю, что Фрэнк никогда не возражал.

Карл снова напрягся.

Беар уперся руками в стол и негромко, но требовательно произнёс:

– Давай договоримся так: я отдам тебе долю Фрэнка с того груза, что у нас в трюме, а ты прекратишь вести дела с Баньоло. Навсегда прекратишь.

Карл облизнул сухие губы.

– Это ещё не всё, – добавил капитан. – Я отдам тебе и половину своей доли, если в Вольном заливе ты сделаешь так, что эта дура-баронесса сядет на самый безопасный корабль, пересечёт на нём море и окажется в своей Белой бухте, в объятиях женишка. Идёт?

– Да последний раз я связывался с Оливером прошлой осенью! – воскликнул Карл, оправдываясь. – И то не по своей воле. Он поймал меня на давно проигранном споре – пришлось отдавать должок.

– Тогда пообещай мне, что больше я тебя рядом с ним не увижу. Поймаю – распрощаемся. А мне бы очень не хотелось искать нового боцмана.

Последние слова сильно задели Карла.

– Распрощаемся? – повторил он. – И ты говоришь мне это, после того как я помог тебе стать капитаном?

Беар зашарил взглядом по столу: своя выпивка кончилась, а в горле по-прежнему было неприятно сухо. Выхода не было – Беар выхватил кружку из рук боцмана и отпил почти половину. Снова вытер губы рукой и выдавил:

– Такое условие и мне противно, но иного выхода я не вижу.

Карл скрестил на груди руки.

– Одного я не понимаю, кэп... Мы вроде как разбойники... С какого перепуга ты вдруг ведёшь себя, как святоша? Может, скоро по кабакам и баням запретишь ходить? В Вольном заливе только дурак идёт против Баньоло. Рыжий Ус каждый год удваивает прибыль от делишек с ним. Старик Джо в награду за труды получил дом. А Щуке были прощены все долги. Знаешь, чья в том заслуга? Повторить? Или сам догадался? Мы можем шарахаться от Оливера сколько угодно, и ему будет всё равно, но плевать против ветра – это... сам знаешь. Один раз уже было... Врезал ты ему в челюсть. Сколько месяцев за это в темнице у Дельмона просидел? И Фрэнк бегал, за тебя просил. В итоге, полгода было пущено псу под хвост: вся команда сидела без дела, и денег в карманах поубавилось. С Баньоло любой может быстро разбогатеть. Платит он всегда щедро и вовремя. Разве не выгодное предложение?

– А разве я тебе сейчас делаю менее выгодное предложение, отдавая долю Фрэнка и половину своей?

– Ну, знаешь... – протянул Карл. – Это как к брату в карман лезть.

– Сам сказал: мы разбойники. А разбойник и брата родного без итанов оставит, если пожелает. Ну, так что? Принимаешь мои условия? Ты знаешь, чем полны трюмы. Сумма выйдет немалая.

Карл недовольно засопел.

– Ладно, – наконец, выдал он. – По рукам. К Баньоло я больше не хожу, а девчонкой займусь сразу, как придём в Вольный залив. Есть там у меня один знакомый, часто в Белую бухту наведывается. Добросит её за пару золотых. Он – надёжный мужик. Окажется наша гостья у своего женишка, и ты о ней больше никогда не услышишь.

– Значит, по рукам. Я тебе доверяю.

– И всё же, кэп, – вымолвил Карл, будучи уже на полпути к выходу на палубу, – может, хоть мне объяснишь, чем тебе этот Баньоло так не по нраву? Занимается человек своим делом и занимается... Ни к кому не лезет, насильно к себе не манит... Что у вас за тёрки?

Беар скривился и, наверно, хлебнул бы ещё остывшего пойла из кружки, если бы в ней к той минуте что-то ещё оставалось.

– На то у меня своя причина, – буркнул он в ответ. – Не лезь.

***

Двадцать пять лет назад

Вольный залив, таверна «Щупальца кальмара»

~~~

Крупная монета блеснула в свете солнца, покатилась по много раз скобленому ножом дереву, ударилась о пустую пивную кружку и упала. И тут же была накрыта широкой ладонью. Пухлые пальцы подцепили кругляшку, поднесли к кривым жёлтым зубам. Те стукнулись о металл – монета вернулась обратно на стол.

– Редкая вещица, так и манит, но не могу взять, – выдохнули тяжело, а к недавно попро-
бованному на зуб золотому присоединилась целая кучка ему подобных. – Забери.

Ответом было хрипкое:

– Я же говорил, что приду? Говорил. Говорил, что принесу настоящее сокровище? Я его и принёс. Ты даже на зуб проверил, словно мне не доверяешь.

– Да что я, дурак, что ли, – забормотали путано, – тебе не доверять? Это ж я просто так, по привычке.

– А если не дурак, то чего моё золото обратно швыряешь, бледнеешь и заикаешься? Трёшь вонючей тряпкой этот старый кувшин и мне в глаза боишься заглянуть?

Снова вздохнули. Средних лет мужчина, лысый, но с густыми чёрными бровями, почти сросшимися на переносице, отставил голубой кувшин в сторону, потряхнул тряпкой и отложил её. Посмотрел вдаль и вдруг громко крикнул:

– Не туда, Оливер! За соседний столик! Вот же балбес, – и, уже стыдливо улыбаясь и глядя, наконец, в глаза своего собеседника, добавил: – Сынишка мой. Помогает с хозяйством. Один я уже не справляюсь.

Гость лениво повернулся и смерил взглядом паренька лет пятнадцати, снующего туда-сюда с пивными кружками и закусками.

– Подрастёт ещё – передам ему дела, – произнёс хозяин таверны. – Он молодой, хваткий, далеко пойдёт.

– Ты мне зубы не заговаривай. – Гостю хватило нескольких секунд, чтобы оценить мальчишку. Особого восторга тот на него не произвёл. – Где Патчима? Мы договаривались, и я пришёл за ней.

Хозяин питейного заведения вновь схватился за тряпку. Теперь пришла очередь большого блюда терпеть её вонь.

– Ты же говорил, что придёшь ещё три месяца назад. Она ждала тебя. Ревела.

– Застрял на одном острове дольше, чем хотел... Она, что же, и правда ревела? Из-за такой мелочи? До сих пор обижена на меня? – Гость зашёлся мелким довольным смехом. – Позови её. И заberi деньги. С этой минуты она тебе больше не принадлежит.

Однако лысый кабатчик не спешил никого звать. Зато вновь отложил в сторону тряпку, взял чистую кружку, подошёл к бочонку, повернул кран и наполнил кружку золотистым пивом.

– Выпей вначале, – сказал он и пододвинул пиво гостю.

Тот нетерпеливо забарабанил пальцами по дереву.

– Послушай, Монкс...

– И ты меня послушай, Левассар. Тебя долго не было...

– И что?

– Ходили слухи, что твой корабль пошёл ко дну...

– Так и было. Но теперь у меня есть другой. Намного быстрее! По воде не идёт – летит. И никакая отмель не помеха.

– Но ходили слухи, что и ты теперь на дне морском...

– Что за дрянная чушь?

– Я и сам в твою смерть не верил. Уж я-то знаю, что тебе на дне морском даже лучше дышится, чем на суше. Но слухи...

– Плевать на них. Теперь ты видишь, что я живой. Можешь даже пощупать. Этого хватит? Теперь позови Патчиму. И если ты этого сейчас не сделаешь, то я сам к ней поднимусь.

Левассар оттолкнулся от высокого прилавка и дёрнулся в сторону лестницы, что вела в комнаты на втором этаже, но старший Баньоло вовремя перегнулся через стол и вцепился пальцами в рукав рубашки гостя.

– Не ходи, – только и успел он проронить, до того как самый известный в водах Неффритового моря пират выхватил из-за пояса нож и, развернувшись, приставил его к горлу кабатчика.

В помещении, пропитанном запахами еды и выпивки, резко стало тихо. И даже мальчишка Оливер застыл с тарелками в обеих руках, и, выпучив глаза, смотрел на отца, что лицом был блее смерти. И как бы страшно всем ни было, никто не решался рыпнуться с места и разнять непонятно почему неполадивших между собой мужчин. Каждый предпочи-

тал тихонько сидеть на своём месте и думал лишь об одном: как бы стул ненароком не скрипнул, и внимание грозного пирата не переключилось с торговца Баньоло на него самого.

Напряглись и пятеро, что стояли у самых дверей. Выглядели они подстать разгневанному пирату, от них так же разило водорослями и рыбой, и в их руках тоже блестели острыми лезвиями ножи. Трое из пятерых не сводили взглядов с Монкса и Левассара, охраняя своего капитана; двое других пристально наблюдали за гостями в зале. Одно движение – пусть даже просто муха пролетит, – и жизни лишатся все, кому в этот день не повезло заглянуть в «Щупальца кальмара».

– Что с Патчимой? – ядовитой змеей прошипел Левассар, надавливая на рукоять. – Почему я не могу к ней пойти?

На коже Монкса проступили алые капли. Лоб покрылся испариной.

– Я... она... – бессвязно бормотал он. – Я... продал её.

– Ты... что сделал?

Баньоло судорожно сглотнул.

– Продал. Не ищи её здесь.

– Скотина.

– А что мне оставалось делать? Зачем она мне нужна была затяжелевшая?

Рука Левассара дрогнула – холодное лезвие отстранилось от шеи Монкса.

– Что ты сказал?

– Что слышал. Толку от неё уже не было. Только ела за двоих. Никакой клиент на неё не смотрел. А когда нашёлся дурак, захотевший её купить в её-то положении, я и обрадовался. Сразу сделку заключили. Кто ж знал, что всего через пару часов ты объявишься. Живой и с золотом. Ты не подумай, я от своих слов так-то не отказываюсь. Раз обещал продать тебе девку, то продам. И даже в два раза дешевле, коль уж провинился перед тобой. Иди наверх и выбирай любую.

– Кому ты продал Патчиму?

– Я имени не спрашивал.

– В этой дыре ты знаешь всех.

– Тот мужик не местный. На чьём корабле он пришёл, мне тоже неизвестно. Я ж целыми днями тут сижу, в четырёх стенах, и к пристани мне выходить некогда. И расспросами лишними я не занимаюсь. Понравилась ему девка, готов был заплатить – я и рад был груз с себя скинуть. Да ты, может, их ещё догонишь. Они не могли далеко уйти...

Левассар отвёл руку с ножом. Баньоло облегченно выдохнул, схватил тряпку и протер взмокшее лицо.

– В какую сторону они пошли?

– Сам я точно не видел, но Оливер провозжал их до дверей. Должен знать. Оливер! – крикнул хозяин сыну. – Куда увели Патчиму?

– Я видел, как они сворачивали к торговым рядам. Тот хлыщ собирался что-то купить для неё.

– Вот видишь, – угрожающим тоном говорил Монкс, – никто твою драгоценную бабу не обижает. А я свою оплошность перед тобой исправлю. Таких тебе красоток подгоню – закачаешься. Совсем юных и не порченных. И всё за мой счёт! Ну, по рукам? Да забудем всё и по пиву?

Старший Баньоло вновь наполнил кружку. Пальцы не с первого раза смогли закрутить кран, и немного пены хлынуло через край, пачкая сапоги кабатчика. Руки сильно тряслись. Желая успокоиться, Монкс скорее поставил кружку на стол и положил на его поверхность обе ладони.

– Забудем? – сплюнул Левассар. – Забудем. Но при условии, что я её верну. А если нет... то вот тебе аванс!

И пират замахнулся рукой с ножом.

Баньоло истерично закричал и покосился на свою правую ладонь. Та была пригвозждена холодным лезвием к столу, и из-под неё расползлось и увеличивалось в размерах кровавое пятно.

Баньоло поплохело. Перед глазами всё поплыло, и он покачнулся. Рухнул бы на стол без сознания, если бы Оливер не бросил всё, что держал, на пол и не подскочил к отцу, поддерживая его.

Среди гостей по-прежнему никто не шелохнулся. И принялись шептаться лишь тогда, когда Левассар, махнув своим вышибалам, выскочил из душной забегающей на улицу и бросился в направлении торговых рядов. Тогда-то и зашевелились все, кто остался в «Щупальцах кальмара», и стали выпрашивать друг друга, не является ли случайно кто из посетителей врачом... Пусть и самым захудалым.

До торговых рядов все шестеро шли быстрым шагом. Все, кто попадался им на пути, шарахались в разные стороны и безоговорочно уступали дорогу. Когда показались первые прилавки, то Левассар переглянулся с помощниками. Двое согласно кивнули и двинулись влево. Другие двое повернули влево. Сам Левассар двинулся вперёд, за ним спешил, оглядываясь по сторонам, похожий на гориллу бородач.

Далеко шагать не пришлось. Торговка, разложившая на лотке яркие, как цветочное поле, платки, ласково ворковала с покупателями, протягивая даме свой товар. Последняя смущённо улыбалась, но примеряла платок за платком, пока не остановилась на том, что был самым скромным. Её спутник отсчитал нужное количество монет и протянул торговке. Та радостно заулыбалась беззубым ртом: щедрый господин дал больше, чем она просила.

– Бери её, – прогнусавил бородач, тяжело дыша. – А я тому мужику по шее чикну. Шея-то у него тоненькая, мне один раз ножичком провести – и готово.

Острый нож лязгнул о пряжку на поясе бородача. Громила уже готовился замахнуться и броситься вперёд, как вдруг Левассар перехватил его руку и с силой сдавил. Пальцы разжались и выпустили нож. Упав на землю, тот зарылся лезвием в серый песок.

– Ты чего? – взревел бородач. – Там же Патчима! Или сам хочешь?

– Уходим, – только и произнёс главарь, не сводя взгляда с женщины и его спутника. Оба поблагодарили торговку за платок и, развернувшись, медленным шагом удалялись в сторону пристани.

– Как уходим? – ошолбенел громила. – Ты же так хотел эту бабу... Сейчас до неё рукой подать!

– Не твоего ума дело, кого и что я хотел, – процедил Левассар сквозь зубы и сплюнул на песок.

Глава 2. Новые неприятности

– Старый трюк, – произнесла Флоренс и завела за ухо выбившуюся из причёски прядь волос.

Наблюдая, как помощницы собирают осколки и вытирают лужицы разлитого чая, госпожа-купальщица время от времени отдавала короткие, сухие

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.